

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Злится зима, не хочет уходить, хлещет по щекам ледяным ветром, все норовит сыпнуть за ворот колючего снега. Натужно вгрызается в мерзлую землю экскаватор, расталкивают песок бульдозеры, гулко и тяжело хлопают откидные борта самосвалов. У строителей свой график, им зима не указ, дорожную развязку нужно закончить к сроку, иначе премий им не видать. Даже случайно вскрытое захоронение не помешало строителям работать дальше, оно лишь ненадолго притормозило процесс прокладывания дороги.

А захоронение криминальное: два брошенных вповалку тела со следами насильственной смерти. Плоть разложилась, смешалась с землей, одежда сгнила, зато волосы хорошо сохранились у обеих женщин, особенно у той, которая лежала в общей могиле сверху. Останки уже эксгумированы, тела покоятся на черном целлофане, истлевшие лица закрыты, и лишь волосы шевелятся на холодном ветру. Майор Прокофьев в уголовном розыске уже

четырнадцать лет, на своем веку он много чего повидал, но все равно не мог удержать взгляд на полусгнивших останках. Истлело почти все, хорошо сохранились только волосы и туфли на шпильках, что указывало на их принадлежность к женскому полу. Страшно, тошно, а работать надо. Нужно думать, вспоминать, анализировать. Судмед-эксперту же снова уже в лаборатории придется ворошить полуистлевшую плоть, подтверждая на сей раз официально свое же первоначальное предположение: женщины были застрелены, и в одном теле нашлись пулевые отверстия, и в другом.

Трупы еще не увезли, криминалисты только заканчивают работу, а стройка уже шумит.

— Холодно, — сказал Паша Луков, оттянув и тут же отпустив полы расстегнутой куртки.

Прокофьев бросил на подчиненного быстрый взгляд. Бравирует парень, нарочно держит куртку нараспашку. Но ему-то можно, здоровья ему не занимать, грудь у него широкая, дыхание сильное — спирометр зашкалит, если дунет. Высокий, с располагающей внешностью — открытое светлое лицо, ясный взгляд. И язык хорошо подвешен. Говорят, сначала язык родился, а затем сам Паша.

— Следы остыли, — добавил Саша.

Он тоже Луков, и такой же любитель поговорить. Та же стать, тот же ясный лик, что и у брата.

И язык родился раньше его. Паша и Саша не просто братья, они близнецы.

— Холодный след, — согласился Паша.

— А ты попробуй его согреть, — усмехнулся Прокофьев.

Сначала парень покосился на брата, который с улыбкой до ушей заключал в объятия воображаемую девушку, затем глянул на своего начальника.

— Товарищ майор!

— Силой мысли попробуй согреть, — пояснил Прокофьев. — Что за дорога? Что за место?

Трасса федеральная, можно сказать, главная транспортная артерия областного центра, место шумное, оживленное, неподалеку стоянка для дальнобойщиков. До того как начались строительные работы, здесь паслись проститутки, здесь же с них стригли деньги.

— Лесополоса здесь была. — Саша пнул заледевший кусок слежавшегося снега.

Луковы в отделе недавно, чуть больше года в строю, но до своего перевода в управление уголовного розыска они успели набраться опыта в ОВД Заводского района. И криминальную историю родного города знали не понаслышке.

— И лесные нимфы... — кивнул Паша. — Здесь их и похоронили.

— Если покойные девицы — проститутки, значит, убил их Карамболь, — предположил его брат.

— Карамболь — птица важная, сам он вряд ли станет убивать...

— Значит, будем работать с его выводком. Возможно, кто-то из его сутенеров отличился, — с изрядной долей уверенности сказал Прокофьев.

— А клиенты не в счет?

Прокофьев качнул головой. Даже маньяк не стал бы насиловать и тем более убивать проститутку там, где снял ее. Это мог сделать только сутенер, обнаглевший от безнаказанности. Причем сделать мог в назидание другим проституткам, у них на глазах. Этих девочек и нужно найти, чтобы из разряда очевидцев перевести в категорию свидетелей. Лукеры этим и займутся.

* * *

Женщина делает мужчину мужчиной. Лариса согласится с этим легко и приведет в подтверждение тому сотню примеров. И в первую очередь покажет на собственного мужа, расскажет, как лепила из него мужчину. Это ведь она заставила Аркадия уволиться с работы и заняться бизнесом. Нет, это не он пахал как папа Карло, с утра до темна развозил товар по адресам, создавал и продвигал собственную онлайн-сеть сбыта, это она выводила его в люди. Спасибо ей за то, что считала мужа за че-

ловека, гордилась им, ему без этого лечь и умереть. Ха-ха!

— Сука ты! — Сарычев угрожающе надвигался на жену.

Сын в школе, дочь в садике, в доме только он и Лариса, никто не мешает — можно заняться любовью. Но хочется только ему, а она — в штыки. Нет, и точка!.. И вчера так было, и на прошлой неделе, а сегодня коса нашла на камень. Аркадий не выдержал, психанул.

— Я сука?! — взвилась она.

— Извини, погорячился! — фыркнул он. — Сука хотя бы дает, а с тобой импотентом станешь!

— А ты Зайке своей морковку присунь!

— Ну было пару раз, и все! — скривился Сарычев.

Любил он баб, но подолгу рядом ни с одной юбкой не задерживался. А вот на Ларису в свое время запал по-настоящему, любовь, можно сказать, нагрянула. Красивая она баба, сексуальность из нее так и прет. Девять лет в браке, и ни одного, считай, адюльтера. Ну если махнуть рукой на Зойку и Вику, с которой действительно было всего пару раз. С Зойкой было больше, но Лариса о ней не знала. Однако и на ту Аркадий махнул рукой, и на другую.

— Но ведь было!

— Забыли!

— Ты забыл! А я нет!

— Да нет, и ты забыла. Пока все хорошо было. А как проблемы у меня начались, так все вспомнила!

Первое время торговля шла хорошо, стройматериалы расходились как горячие пирожки, Аркадий дом построил, машину хорошую купил. А еще он решил расширить бизнес, набрал кредитов, уверенный в том, что отобьет их в ближайшем будущем, но дело неожиданно застопорилось, люди почему-то вдруг резко перестали строить дома, а крупные заказчики мелкими поставками не особо интересовались. Торговля забуксовала, прибыль ушла в минус, начались проблемы, хоть дом продавай.

— Ты еще заплачь! — усмехнулась Лариса.

— Что?! — вскинулся Сарычев.

— Вдруг я тебя пожалею!

— Пожалеешь, — кивнул он, укладывая руки жене на плечи.

К самой шее пальцы приблизил и взглянул так, будто собирался ее задушить. Аркадий умел так смотреть — жестко, пронзительно, вот и сейчас взглянул свирепо, вселяя в нее страх. Она уже почувствовала, что перегнула палку, глазки забегали, женщина уже не прочь была отступить в тихую гавань. А он мог устроить ей затишье, но только после бури. И чем скорее она это поймет и склонит перед ним голову, тем быстрее он закончит

бушевать. А она уже, похоже, на правильном пути к полному взаимопониманию.

— Очень сильно пожалеешь!

— Не надо.

Лариса мягко взяла его за предплечья, и он позволил ей развести руки в стороны. И торжествующе улыбнулся, когда она прижалась к нему. В этот момент и зазвонил звонок — резко, тревожно, требовательно.

Глянув в окно, Сарычев поморщился. Предчувствие не обмануло, на дороге у черного джипа стоял громила Сивый. Темно-синий приталенный костюм, белая водолазка, стильное полупальто нараспашку, вроде бы цивильный вид, но бандитская сущность лезла наружу, как вековая ржавчина сквозь тонкий слой краски. Холодный, бездушный взгляд, нахальная ухмылка уверенного в себе зверя, поза сытого, но готового к нападению хищника. Своим видом Сивый мог нагнать оторопь на кого угодно. А если знать, как легко он убивает...

— Кто это? — Встревоженная Лариса прижалась к мужу.

— Риелтор, — хмыкнул Сарычев.

— Ты выставил дом на продажу? — отталкиваясь от него, возмущенно спросила она.

— Они выставили... Я сейчас!

Сарычев спустился вниз, открыл калитку и увидел широкомордого типа с раскосыми глазами под

сросшимися на переносице бровями. Мохнатая меховая шапка, такой же пышный воротник. Взгляд бараний, оскал волчий, смех обезьяний. Тихий смех, почти неслышный, но противный.

Кайман стоял у Сарычева на пути, а ему нужно было к Сивому, обойти препятствие не позволяла гордость. Сарычев стремительно надвинулся на бандита, а комплекция у него внушительная, удар тяжелый, если сам Рубец это знал, то Кайман должен был о его силе хотя бы догадываться.

А Рубец знал, кто такой Аркадий Сарычев. Они росли на одной улице, вместе гуляли с девчонками, дрались на дискотеках, попали в одну плохую компанию, которая разводила лохов на бабки. Аркадию и Гуслику хватило ума завязать с уголовщиной, а Рубец пошел дальше по криминальной стезе, загремел на зону, за первой ходкой последовала вторая. Сейчас Рубец на коне, девочками заведует в системе Карамболя и на быстрых кредитах капусту рубит. Аркадий по старой памяти не раз уже обращался к нему за помощью и всегда закрывал долги вовремя, но в этот раз взял чересчур много, а расплатиться не получается. Рубец уже не впервой людей засылает с требованием вернуть деньги, возможно, это последнее напоминание.

— Отвали!

Кайман задумался всего лишь на мгновение, Сарычев же отчаянно пер напролом. Он надвигался

на бандита, убеждая его и себя в том, что не боится. Он не должен бояться смерти. Если ему суждено умереть, то он умрет, смерть не так страшна, как кажется. Тихо там, по ту сторону жизни, покойно, может быть, даже уютно. А за жену и детей переживать нечего, Лариса баба красивая, найдет себе успешного мужика, он и ее пригреет, и детей.

Но умирать Аркадий не собирался. Если вдруг что-то не так, он сам возьмется за нож, сам убьет всех своих врагов и с Кайманом расправится, и с Сивым, и с Рубцом. Он сможет, он точно сможет, потому что верит в себя. Есть в нем порох, который может вспыхнуть. И пусть бандиты это знают.

Кайман интуитивно почувствовал внутреннюю силу, его настрой и посторонился. Сивого Сарычев таранить не собирался, остановился в двух шагах от него. И в лоб проговорил:

— Я же сказал, что решу вопрос!

Сивый качнул головой, оценивающе глядя на него, усмехнулся. Может, Сарычев и произвел на него впечатление, но право на льготы ему это не дает. Ни скидок не будет, ни отсрочек.

— Дом у тебя ничего так, — сказал он, глянув на ухмыляющегося Каймана.

— Иди ты мимо!.. А деньги будут послезавтра.

— Это твой последний срок. И последнее слово, — хищно сощурился Сивый. — И мое тоже. Если нет, ты знаешь, что с тобой будет.

Сарычев кивнул. Он хорошо знал, с кем имеет дело. Если Сивый сделал предупреждение, то после него последует только пуля в лоб или нож в горло. А грохнуть должника он мог прямо сейчас. Дом на окраине города, слева-справа сплошь незаконченные новостройки, прямо, за дорогой, чистое поле, за ним лес. Свидетелей нет, запросто можно убить. Сарычеву стоило немалых сил сохранять спокойствие и невозмутимость.

— Я тебя слышал.

— Ну бывай!

Сивый повел рукой вроде бы неторопливо, вальяжно, но тут же неожиданно пришел в движение, а сила в нем зверская. И все же Аркадий не ударил в грязь лицом. Он вовремя уловил момент атаки и превратился в статую. Сивый тяжело толкнул его в плечо, но Аркадий даже не шелохнулся. И при этом он думал о том, что убьет и Сивого, и его подручных, потому что другого выхода нет и не предвидится. Не будет у него денег к сроку, не сможет он рассчитаться с самым опасным своим кредитором.

Бандиты уехали, а он все стоял на холодном ветру и думал, что ему нужен ствол. Не обращаться же в банк за рефинансированием, да и не дадут ему новый кредит, пока не расплатится по старым счетам.

* * *

И стройка шумит, и дорога гудит — фуры едут в город одна за другой. А на стоянке у дальнобойщиков тихо, даже ветра нет. И девочка у «КамАЗа» околачивается, ходит по кругу, то ли ищет кого-то, то ли согревается. Потасканная такая девочка, страшненькая, как жизнь сапожника в запое. Холодно ей, юбка короткая, колготки хоть и шерстяные, но тонкие, а куртка и вовсе на рыбьем меху. Ей бы в кабину, в тепло да кофейку попить, чем не счастье для «плечевой»?

— Тепло ли тебе, девица? — Саша надвинулся на проститутку, как Морозко на замерзшую Настеньку, заставив прижаться задницей к топливному баку.

«Девочка» озадаченно хлопала глазами, глядя на него. Вроде бы приличный на вид парень, благообразной внешности, и вдруг такие манеры.

— Говори, что тепло, а то без подарков останешься, — в шутку посоветовал Паша.

— Вы близнецы? — вымученно улыбнулась несчастная «плечевая».

— Сказочные. — Саша раскрыл свои «корочки». — Из уголовного розыска. Старший лейтенант полиции Луков!

— Аналогично, — кивнул Паша.

— Так я ничего такого...

— И зовут тебя никак?

— Эльза... В смысле Лиза... Я просто так тут...

— Вот с этого, Лиза, все и начинается, сначала просто тут, а потом раз, и уже конченная проститутка, — усмехнулся Саша.

Он уже вернул удостоверение на место, а сейчас вынимал из того же кармана плоскую фляжку.

— Это вы о чем?

— А ты не такая? — Саша открутил у фляжки пробку, вкусно пахнуло коньяком.

— Нет!

— Жаль.

Саша закрутил пробку на фляжке.

— Ну, если только иногда, — сглотнув слюну, призналась Лиза.

И в награду за честность получила заветную фляжку, к горлышку которой тут же припала. Братьев не смущало, что девица может быть заразная, после нее никто из них пить из фляжки не собирался. На службе они, нельзя им сейчас. Да и желания нет: непривычны братья к алкоголю. По праздникам могли выпить, в хорошей компании, но точно не с проституткой. Фляжку Саша носил на всякий случай, вдруг пригодится, и в целях самозащиты. Отец подарил ему эту фляжку, когда узнал, где им с братом придется служить. Он сам когда-то работал в уголовном розыске, и такая же стальная фляжка однажды спасла ему жизнь, задер-

жала у сердца бандитскую пулю. Точно такой же оберег он подарил и Паше: у близнецов все должно быть одинаковым.

— Хватит! — Саша отобрал коньяк.

— Да я только согреться, — вздохнула Лиза.

— Согреешься, — пообещал Паша. — Если расскажешь, кто у вас из девочек носит подвязку на правом бедре.

— Подвязку? — задумалась Лиза.

Паша кивнул, подтверждая. Обнаруженных вчера покойниц закопали без сумочек, ни документов при них, ни личных вещей не оказалось, если не считать нательных крестиков, тюбика губной помады и конвертика с презервативом. Предположительно, трупы пролежали в земле два с половиной года, гнилостные изменения сожрали папиллярные узоры на пальцах, зато сохранилась татуировка на ноге у блондинки, хоть и с трудом, но ее удалось прочитать. Да и дактилоскопию можно было провести, но требовалась специальная экспертиза, а для этого нужно время.

— Татуировка на верхней части бедра. В виде кружевной подвязки с бантом.

— А зачем?

— Зачем носит?

— Зачем вам?

— Может быть, в отделение проедем? Там тепло, — усмехнулся Саша.

— Ага, и субботник! — совсем невесело фыркнула Лиза.

Паша выразительно глянул на брата. Об отделе внутренних дел Западного района ходила недобрая молва, в прошлом году задержали заместителя начальника полиции по охране общественного порядка этого района. Ему вменялось кроме ряда должностных преступлений еще и покровительство проституткам и их сутенерам. Именно поэтому Прокофьев не рекомендовал обращаться за содействием в уголовный розыск Западного района: возможно, к убийству причастен кто-то из действующих сотрудников полиции, а информация — субстанция повышенной текучести.

— И часто привлекают? — спросил Саша, с недоверием глянув на Лизу.

Он бы на такое добро и даром не позарился. Также, как и Паша.

— Ну, мне как-то везет, — не очень весело улыбнулась она.

— И давно везет? Давно работаешь?

— Почему работаю? Может быть, по зову сердца?

— Не знал, что проститутками становятся по зову сердца, — хмыкнул Саша.

— И согреться не дашь? — уныло спросила Лиза.

Вместо ответа получила фляжку — с остатками коньяка.

— Лет пять уже работаю, — сделав несколько глотков, призналась она.

— Значит, должна знать блондиночку с чернильным бантом.

— Ну знаю одну, Инга зовут, по саунам отработывает.

— Живая?

— А что ей там в тепле делается? — Лиза с жадностью глотнула из фляжки.

Паша мысленно перенесся в горячую сауну и улыбнулся. А что, неплохой метод работы, сидишь в банной тунике и с веничком, вызываешь проституток, допрашиваешь. И тепло, и бегать с высунутым языком не надо.

— Значит, нас другая блондинка интересуется.

— Какая другая?

— Мертвая... Причем уже давно мертвая. Два с половиной года как похоронили.

— А почему мертвая? — нахмурилась Лиза.

— Потому что убили ее. Двумя выстрелами в живот. Здесь где-то и убили... — Паша обвел рукой пространство вокруг себя. — Ты тоже здесь где-то работала?

На самом деле в блондинку не только стреляли, судмедэксперты обнаружили на руке колотую рану: похоже, кто-то ударил ее ножом незадолго до смерти. Рана прижизненная, эксперты в этом не сомневаются.

— Ну и здесь бывало, — задумалась проститутка, косо глянув на полицейского.

— Летом тринадцатого?

— Ну и летом...

— Кого у вас там убили?

— Не знаю... — кусая губы, пожала плечами Лиза.

— Никто из ваших не пропадал? — Паша с подозрением смотрел на нее.

— Ну как не пропадал... Бывало, уедет и с концами...

— С кем бывало?

— Ну, с Янкой было... Она потом аж через два года нашлась... Летом тринадцатого, говорите?.. Меня саму тогда аж во Владивосток завезли, я там еще по кораблям с месяц... Нет, не слышала я, чтобы у нас тут кого-то убивали!.. — Лиза с решительным видом протянула Саше фляжку.

— Не знаешь или боишься говорить? — Паша проницательно смотрел на девицу.

— Не знаю. — Лиза отвела взгляд в сторону.

— Презервативы с собой носишь? — с усмешкой спросил Саша.

— Могу показать... Вы же на машине?

— Гроб с собой тоже носи. Или ты думаешь, что тебя не грохнут?

— За что? Я ничего такого!..

— А подружки твои, которых вчера откопали?

— Да не подружки они... — Лиза спохватилась, прикусила язык.

— Что не подружки? Ты говори, говори...

— Не знаю я ничего! — мотнула головой девушка.

— Они не подружки или тебе не подружки?

— Кто они?

— Знаешь ты все, знаешь. — Саша в упор смотрел на проститутку, но та упрямо качала головой, отказывая ему в информации.

— Не знаю!

— Знаешь!

— Да он убьет меня, если я скажу!

— Кто он?

— Все, больше ничего не скажу! Ничего!..

Из-за кабины показался долговязый сухопарый мужчина с острым кадыком и желтизной в усталых глазах.

— Ты здесь? — спросил он, с кислым видом глядя на Лизу.

Братьев Луковых он, казалось, и вовсе не замечал. Разблокировал с пульта дистанционного управления центральный замок, распахнул дверь и кивком указал проститутке на рабочее место, но Паша взял ее за руку, не позволив скрыться в кабине. Он понимал, что Лиза не сдаст убийцу, но все же она свидетель, и отпускать ее никак нельзя.

Глава 2

Чайная роза, трюфели с коньяком, бутылочка ликера: к любимой женщине с пустыми руками не ходят. Нажимая на клавишу звонка, Сарычев думал о том, как вспыхнут глаза у Вики, она ведь уже и не думала увидеть его в своем доме, и вдруг — чудо. Но дверь ему открыл высокий смазливый парень с голым, крепко накачанным торсом. Его кубикам пресса на животе можно было позавидовать.

— А где Вика?.. — спросил Сарычев. И тут же, пристыдив себя за растерянность, пошел в атаку: — Только не говори, что ты за нее?

— Я и не собирался! — Парень предостерегающе качнул головой.

Он не советовал гостю задиаться, а то ведь и по голове можно получить.

— А лифчик чего не надел?

— Пошел ты на хрен!

Парень повел плечом, собираясь закрыть дверь, но, передумав, напротив, распахнул ее. За что и поплатился. Сарычев рубанул его кулаком в лоб. Он умел бить кулаком точно молотом, способным проломить череп; сколько раз эта «коронка» его выручала и сейчас не подвела. Череп он, правда, парню не проломил, да и качок даже не упал, но взгляд у него поплыл, голова закружилась, координация движений нарушилась.

Сарычев не стал ждать, когда противник придет в чувство, ударил его ногой — мощно, с отяжкой, в пах. А когда парень согнулся в поясе, правой рукой взял голову в захват. Другой же рукой закрыл за собой дверь. И встал на колени, заставляя противника еще сильнее согнуться в поясе.

— Ты кого на хрен послал, пряник?

— Не знаю, — простонал парень.

Он мог пнуть Аркадия или хотя бы попытаться вырваться из захвата, но стоял, не двигаясь, как бычок в стойле. Понял, что, если станет сопротивляться, будет только хуже, и правильно, Аркадия лучше не злить. Он ведь и до смерти забить может.

— Не знаешь?.. — засмеялся Сарычев. — А то, что я за Вику спросил, ничего?

— Нет ее дома.

— Но ведь будет.

— Ну да...

— А кто ее будет?

— Что будет? — дернулся качок.

Сарычев с силой оттолкнул его от себя и раскинул руки, предлагая продолжить схватку. Он готов был убивать, и парень это почувствовал, позорно спасовал, отвел взгляд.

— Я ее буду иметь, понял?

— Да иди ты! — буркнул «пряник».

Сарычев хотел его всего лишь пугнуть, но не смог остановиться и от всей души въехал кулаком

в ухо. На ногах парень снова устоял, но сдачи отсыпать не решился.

— Уходишь ты... Или будешь смотреть, как мы с Викой?

— Не будешь ты!

— А по рогам? — замахнулся Сарычев.

— Вика на пятом месяце!

— Да ну!.. А чья работа?

— Ну-у...

— Моя работа!.. — убеждая себя в этом, кивнул Сарычев.

Возможно, Вика залетела не от него. Ему-то без разницы, но вдруг она заявит на него права как на отца своего ребенка? Он-то, конечно, переживет, но лучше переложить возможные проблемы на другого человека.

— Это неважно... — вздохнул парень.

— Это важно!.. — Сарычев с размаху опустил руки на его плечи, с силой надавил, заставляя сесть на диван. — И я не могу отдать Вику абы кому!.. Ты кто такой?

— Леша я.

— Леша он... Чем занимаешься, Леша? Где работаешь? Как будешь содержать Вику?

— Содержать?

— А как ты думал, взялся за гуж... Короче, не пей из чужого корыта, козленочком станешь! — стебался Сарычев.

— Не козленочек я!
— А кто?
— И работаю в серьезной конторе, — шмыгнул носом Леша.

— Что за контора?

— Инкассатор я.

— И что, много зарабатываешь?

— Не так уж много, но и немало... И на жену хватит... ну, и на Вику...

— И на жену?.. — удивленно повел бровью Сарычев. — Сколько тебе лет?

— Двадцать восемь. Жена, сын у меня есть...

— Жены уже не хватает?

— Да хватает, — пожал плечами парень.

— Какого ж ты хрена к Вике полез?

— Так влюбился... Сам не понял, как влюбился...

— Вика — твоя ошибка!

— Ну не знаю.

— А за ошибки нужно платить. Инкассатор, значит?

— Инкассатор, а что?

Сарычев заглянул в бар, щелкнул пальцем по бутылке «Джека». Ликер — это для баб, для мужского разговора нужно что-нибудь покрепче. А виски у Вики есть. И газовый пистолет, переделанный под боевой, тоже имеется. Ствол Аркадию нужен, но сначала выпить. И обсудить один очень интересный вопрос.

Среднего роста, неприметный, взгляд спокойный, невызывающий, и в голосе ничего примечательного. Свою карьеру полковник Шимановский начинал в Комитете государственной безопасности, работал в наружном наблюдении, в эту службу только таких, неприметных, и брали. После развала Союза перешел в систему МВД, где без малого отарабанил двадцать лет опером. В звании майора собрался на пенсию, когда его наконец заметили и выдвинули, махнув рукой на серую внешность. Он возглавил управление уголовного розыска, стал настоящим полковником — причем во всех отношениях. Не так давно Прокофьев был с ним на равных, но Андрей Васильевич этого как будто и не помнил. Нос он не задирает, но со своим бывшим напарником обращался так, будто всю жизнь ходил в больших начальниках. А чаем все равно угостил, это дело у него святое. И самовар в углу кабинета, и шерстяная баба на чайнике, кружки фарфоровые, из лихих девяностых. Пуд соли они вдвоем съели, не меньше.

— Что там у нас относительно трупов на Тамбовском шоссе? — спросил Шимановский, отхлебнув из чашечки. — Кто такие, я так понял, неизвестно.

— Луковы на проститутку вышли, некто Дятлова Елизавета Михайловна, не привлекалась, но паль-

чки в картотеке есть. Похоже, она знает покойниц, знает, что случилось, но говорить пока боится. Ничего, отогреют, разговорят.

— А пальчики? Что пальчики?

— Сыроедов обещает пальчики с покойниц снять. Может, и у них приводы имелись. Если проститутки. Не зря же Дятлова их знает.

В дверь постучались.

— Сейчас! — Шимановский начальственно подобрался, но голос все равно прозвучал тихо.

Впрочем, его услышали — в дверь больше не стучали.

— Новость стучится... — кивнув на дверь, с усмешкой сказал Шимановский.

— Хорошая?

— Помнишь, мы о кабинетном спецназе говорили?

— Говорить говорили... — Прокофьев осторожно глянул на своего начальника.

Работа у них суровая, клиентура, мягко говоря, жесткая, под пули ходить как с добрым утром. Силовая поддержка, конечно, не заставляет себя ждать, ОМОН прибывает, как правило, по первому требованию, но хотелось бы иметь группу особого назначения в штате отдела, чтобы всегда под рукой была и без всяких запросов привлекалась в случае необходимости к делу. Неужели Шимановскому подвластно волшебство?

— Ну вот и принимай пополнение, — улыбнулся полковник. — Пока только две боевые единицы. Зато какие!

— Какие?

— А вот это не очень хорошая новость... Не очень плохая, но и не очень хорошо.

— Не очень хорошая или не очень хорошо?

— В том-то и дело...

В дверь снова постучали.

— Сейчас сам увидишь... Войдите!

В кабинет одна за другой вошли две девушки: стройная худосочная шатеночка с голубыми глазами и полногрудая брюнетка с приятными изгибами тела. Короткие стрижки, белые рубашки, наглаженные мундиры, на каждом просвете по звездочке. Совсем еще молодые, но уже бывалые, выдавшие виды, если судить по загадочной снисходительности в их взглядах, за которой угадывалась мудрость побывавших в серьезных переделках людей.

Прикладывая ладонь к пилотке, шатеночка даже не шевельнула ногой, но Прокофьев услышал щелчок, с каким соприкоснулись каблучки. Во всяком случае, так ему показалось.

— Товарищ полковник, младший лейтенант Феокистова прибыла!..

Шимановский махнул рукой, отменяя формальности, но не тут-то было, Феокистова не собиралась останавливаться.

— Для прохождения дальнейшей службы в должности помощника оперуполномоченного уголовного розыска!..

Она ясно, казалось, осознавала свое подчиненное положение, но при этом смотрела на Шимановского сверху вниз. Прокофьева она как будто и вовсе не замечала.

И у брюнетки взгляд как будто стеклянный, казалось, она смотрела на мир через окошко в штурмовом щите спецназовца. И представилась она также по всей форме: «Младший лейтенант Сальникова, помощник оперуполномоченного...»

Не существовало в штате отдела такой должности, но иногда вакансия возникала, когда требовалось принять в работу стажера или еще какого-нибудь временного сотрудника. Возможно, этот кабинетный спецназ в юбке такое же мимолетное явление. Майор Прокофьев озадаченно смотрел на девушек. Может быть, Шимановский выбил две постоянные штатные единицы для отдела, если так, то, с одной стороны, это хорошо, но с другой — для сплоченного мужского коллектива женщины — это сладкий яд. Братья Луковы не женаты, холостяковал и старший оперуполномоченный майор Бордов. Капитан Ярыгин вроде бы счастлив в браке, но вдруг пойдет вразнос под чарами той же Феоктистовой, она как раз в его вкусе. Да и сам Прокофьев не святой, тем более

что в семье у него далеко не все гладко. Впрочем, что ни делается, все к лучшему. Хотелось бы в это верить.

* * *

На улице собачий холод, а в кабинете тепло, и белесая дымка рисует узоры над гладью крепко заваренного чая. Лиза с удовольствием отхлебнула из стакана, но тут же с надеждой и выразительно глянула на Пашу. Чай хорошо, а с коньячком лучше. Крепости в напиток ей добавил Саша. Открутил пробку у своей фляжки, налил в стакан коньяку.

— А у вас тут неплохо, — сказала проститутка.

В управлении всего три камеры для задержанных, Лизе предоставили самую лучшую, Паша даже позаботился о теплом одеяле и чистом белье на ночь. Дальнбойщики о таких удобствах для проститутки вряд ли думают.

— Будет еще лучше. Чай допьешь, и на все четыре стороны. — Саша кивком указал на дверь.

Не располагал он правомочиями задерживать гражданку Дятлову, а она все-таки провела ночь за решеткой. Все, больше держать ее никак нельзя, а то вдруг жалобу прокурору настроит, да еще и за упущенную выгоду истребует.

— А поговорить?

— Да? Ну тогда расскажи нам о своих недетских страхах, — усмехнулся Паша.

И так они вчера водили хороводы вокруг Дятловой, и эдак, а каравай так и не испекли. Болтовни было много, но ничего конкретного. Только намеки. Да, погибшие были проститутками, но кто их убил, за что, этого Лиза так и не сказала. Но стрелял, видимо, кто-то из сутенеров, из тех, кого она очень боялась.

— Ну да, боюсь... — кивнула проститутка. — Вы его отпустите, а он потом на мне отыграется.

— Кого отпустим? — Обнадеженные репликой девушки, братья переглянулись.

— Кого-кого... Сволочь редкостная, знали бы вы, сколько я от него натерпелась, — с видом невинной жертвы вздохнула Дятлова.

— Кто сволочь?

— Но Витя никого не убивал!

— Витя?! — оживился Саша.

— Когда фура идет, она ветер за собой несет. Этим ветром девчонок к нам и занесло, — уныло усмехнулась Лиза. — Я даже не знаю, откуда они. Знаю только, что их здесь высадили. Им бы на автобусе да обратно, а они сниматься стали, ну а наши девчонки этого не любят.

— Значит, конфликт был?

— Был. И нож был. Бабочку срезать...

— Был нож! — Саша глянул на Лизу как охотник на добычу.

— А она руку под нож подставила и давай орать, типа, вам всем здесь кранты, пацаны подъедут, всех завалят! Руку сильно порезала, кровь хлещет, а тут Витя... — Дятлова замолчала, не желая продолжать.

— Витя ее и положил?

— И одну, и вторую, — дополнил слова брата Паша.

— Я этого не говорила!

— Но было же!

— Ничего больше не скажу, хоть убейте!

— Значит, Витя?

— И про Витю ничего не говорила, — упрямо мотнула головой Лиза.

Открылась дверь, в кабинет вошел майор Прокофьев. Если он производил впечатление грозовой тучи, то девушек, которых он вел за собой, можно было сравнить с лучами солнца, выглянувшего вдруг из-за облаков. Темноволосые, со светлыми лицами, обе симпатичные, но глаза как будто в тумане. Важные, неприступные, себе на уме. Голубоглазая шатеночка глянула на Сашу снисходительно, интерес во взгляде далекий, рассеянный.

— Это у нас кто? — спросил Прокофьев, глядя на Дятлову.

Роста он чуть выше среднего, плечи далеко не самые широкие, но сам плотный. Не громила он по

своей фактуре, но выглядел мощно, тяжеловесно. А сила в руках у него действительно недюжинная, подковы он не гнул, но, если сделает это, Саша не удивится.

— Проза жизни, — улыбнулся Паша, настороженно глядя на брюнетку.

Не нравилась ему ее бездушная дымка в черных глазах. Уж кто-кто, а Саша чувствовал настроение брата.

— Или просто лирика будней.

— Лирика может пока отдохнуть, а будни — за мной! — Прокофьев кивком показал на стеклянную перегородку, за которой находится его кабинет.

Саша кивнул, глядя на своего начальника. Прокофьев — мужчина brutальный, черты лица негрубые, правильные. Женщинам такие мужчины нравятся, но Прокофьеву с личной жизнью как-то не очень повезло. Саша видел его жену: неуклюжая, некрасивая, и если бы она хотя бы стремилась стать лучше, так нет, желание работать над собой умерло в ней вместе с замужеством. А ведь Марине Георгиевне лишь немногим больше тридцати. Но удивительно другое, Прокофьев не изменял своей жене. Во всяком случае, Саша ничего подобного про него не слышал. Никто не знал о его тайных романах, возможно, из-за отсутствия таковых.

Прокофьев знаком предложил девушкам сесть, но ни одна даже не глянула на стулья за приставным столом. Настаивать начальник не стал.

— Прошу любить и жаловать, младший лейтенант Лидия Феоктистова и младший лейтенант Раиса Сальникова. Переведены к нам из отряда полиции особого назначения.

— Старший лейтенант Луков-старший. — Саша нарочно взглянул туманными глазами, изображая из себя невероятно крутого оперативника, изнывающего под тяжестью боевых заслуг.

Он не воображал себя крутым, просто передразнивал девушек. В спецназе они служили или где-то в тылу снаряды считали, проще нужно быть. Везде люди служат, даже в паспортном столе.

— Старший лейтенант Луков-младший, — с тем же видом кивнул Паша.

Он действительно был младшим братом, не важно, что с разницей всего в пять минут.

— Близнецы? — снисходительно спросила Феоктистова.

— Дети дракона, — сострил Саша. — Отрубили голову — две выросли. Мы с Пашей на месте отрубленной головы выросли. Отрубят нас, будет четыре Лукова.

— Ну, тогда Лида и Раиса — реинкарнация ваших... вряд ли святых мучениц, — пошутил Прокофьев. — Немой укор вашей беспомощности.

— Ходячая совесть, — кивнул Паша.

— Совесть — это когда стыдно, — не согласился Саша. — А нам не стыдно. Дятлова...

Он глянул за перегородку, хотел указать на Лизу, но не увидел ее. Пусто в кабинете, Ярыгин на выезде, Бордов на больничном.

— А где Дятлова?

Саша выскочил из одного кабинета, прошел через другой, в коридоре Лизы не было, а в дежурной части осталось только воспоминание о ней. Капитан Клюшников хлопал глазами, глядя на оперативника. Прошляпил он Лизу.

— Идет, чуть не плачет. Понравилось ей, говорит, здесь у нас, а ее выгоняют... Я еще подумал, на улице сейчас холодно.

— Холодно, Костя, холодно, — скривился Луков. — В свисток дуть холодно.

— Ей не привыкать, — сально усмехнулся Клюшников.

— Да нет, Костя, в свисток ты дуть будешь. На перекрестке. В качестве регулировщика.

С Прокофьевым Саша столкнулся на лестнице.

— Неужели ушла? — с осуждением спросил начальник.

— Все равно отпускать... — пожал плечами Саша. — Да и сказала она все, что могла... Кто такой Витя, мы и сами узнаем... А как зовут по-

койниц, Дятлова и сама не знала. Наверное.

Саша открыл дверь кабинета, пропустил Прокофьева вперед.

— Залетные проститутки, ссора на почве конкуренции, поножовщина, вмешался Витя, а у него разговор короткий.

— Поножовщина?

— Одна проститутка ударила другую.

— Нужно узнать, кто именно, — сказал Прокофьев.

Он открывал дверь в свой кабинет со стороны коридора. Паша с напускной важностью что-то говорил, девушки из спецназа слушали, глядя сквозь него. Услышав голос Прокофьева, Паша обернулся, но говорить не перестал.

— Вот, план у меня созрел! Ставлю задачу — внедриться, вжиться, выявить и обезвредить! Предварительное согласие уже получено!

Сальникова удивленно повела бровью, с возмущением глядя на него.

— Точно получено? — усмехнулся Прокофьев.

— Ну, если девушки здесь, значит, они на все согласны. Если, конечно, они пригодны к использованию!

— А если непригодны? — усмехнулся Саша.

Он, конечно же, понял, о чем говорил брат. А ведь это идея — забросить в тыл к противнику

ряженных проституток, возложив на них ответственное задание. Глядишь, и на Витю выйдут, и улики против него раздобудут. Спецназ для того и существует, чтобы действовать на острие удара.

— Я бы выбрал Раю, — не растерялся Паша. — Если ты выберешь Лиду, то и она сойдется!

— На роль проститутки? — с укором спросил Прокофьев.

— Я согласна, — сказала вдруг Лида.

Она пристально смотрела на Пашу, вроде бы без угрозы, но казалось, что ее нога вот-вот пойдет вверх и состыкуется с его промежностью.

— Я тоже, — не осталась в стороне Раиса.

Она смотрела на Сашу, и у него возникло непреодолимое желание поставить блок на уровне паха. Даже во рту пересохло от волнения.

— Нормально! — кивнул Паша. — Подкрасим, приоденем... А там уж вы сами! Если сможете.

— Сможем. — Лида, все так же не мигая, смотрела на него.

— Эх!.. — Паша хлопнул в ладоши, сцепив пальцы в замок. — Аж за душу взяло!..

— Все сказал?.. — строго спросил Прокофьев.

— А чем черт не шутит? — вступился за брата Саша.

— Черта нужно брать за рога, а не за хвост. И этим займетесь вы. А нашим девушкам мы най-

дем более достойное применение... Или они еще не наши? — Прокофьев внимательно посмотрел на Раису.

— Ну почему не ваши? — пожала плечами та. — Если работа интересная.

— Убийство проституток, бандиты, — кивнула Лида.

— Точнее, сутенеры... — поправил Прокофьев. — Но Витя Сивцов да, Витя Сивцов будет покруче всякого бандита.

— Витя Сивцов?.. — задумался Саша. — Сивый, что ли?

А ведь слышал он об этом отморозке. Более того, его делом занимался отдел внутренних дел по Заводскому району, в котором они с братом когда-то служили. Они еще только-только оперяться начали, когда Сивого взяли на незаконном ношении оружия.

— Мы его со стволом брали! — расправил плечи Паша.

— А мы на убийстве, — совсем невесело сказал Прокофьев.

— Не посадили? — спросила Лида, внимательно глядя на него.

— Улик не хватило.

— А эта, Дятлова, куда делась? — Раиса с усмешкой кивнула в сторону смежного кабинета.

Она не просто указывала на недостаток в работе, но и намекала на его прокол с Сивцовым. Дескать, куда она попала? Но Прокофьев как будто и не услышал вопроса.

— Значит, работаете по Сивцову, — обращаясь к Саше, сказал он. — Он вам точно ничего не скажет, поэтому его пока не трогать. Начните с Дятловой — установить круг общения, допросить подружек, выяснить, кто ударил ножом залетную... Может быть, она и ударила.

— Да отрицает, — вздохнул Саша.

Решительней надо было действовать, «пришили» бы Дятловой нож, она бы как миленькая все выложила. И кто ножом бил, и кто стрелял.

— Найти Дятлову нужно, — сказал Прокофьев. — Пока Сивый до нее не добрался.

— Вот и я спрашиваю, что мы здесь делаем? — Саша почувствовал знакомую легкость в ногах. Такое чувство обычно возникало у него, когда требовалось бежать по очень срочному и важному делу.

— Вот и я хочу об этом у вас спросить, — кивнул Прокофьев, соглашаясь отпустить парня.

— Если можно, по телефону! — Паша решительно взял брата за руку, увлекая его к выходу.

— Я вам позвоню, — усмехнулся им вслед Прокофьев.

Саша вышел из кабинета и, не останавливаясь, бросил взгляд через плечо. Лида смотрела ему вслед, но как будто сквозь него, в глазах полнейшее равнодушие. А ведь он мог и не вернуться с задания, она должна была это понимать.

Глава 3

Рубец смотрел на Сарычева, и его взгляд не сулил ничего хорошего.

— Деньги принес? — с кислым видом спросил он.

Рубец заранее знал ответ, поэтому не удивился, когда Сарычев качнул головой.

— Я не знаю, на что ты надеешься, — задумчиво проговорил Рубец. Он просчитал возможные варианты развития событий и повелительно посмотрел на Каймана: — Глянь у него ствол!

Рубец принял Аркадия в сауне на улице Маршала Жукова, но стол в трапезной не накрыт, парилка холодная, девочек не будет, во всяком случае, для гостя. Зато мусорный бак за окном пустой, и никто не увидит, как Аркадия туда запихнут. Грохнут, упакуют, и в утиль. Сивый — большой мастер по части мокрых дел, и он уже готов на убийство. Живым из этих тисков можно было выйти только в двух случаях: или вернуть деньги, или убить всех, начиная с Каймана. Тем более что Аркадий дей-

ствительно собирался это сделать. В ближайшем будущем. И в настоящем он с удовольствием взял бы с собой пистолет, если бы нашел его в квартире у Вики. А он искал, но ствол куда-то исчез. Возможно, она переложила его в другое место.

Кайман обыскивал Сарычева так, как будто искал не пистолет, а пакетик с наркотой, хорошо хоть штаны снять не потребовал.

— Пустой! — отходя к Сивому, сказал он.

— Миша, ты за кого меня держишь? — с усмешкой произнес Сарычев. — Я бы, конечно, мог тебя грохнуть, но как мне потом жить? Карамболь мне твою смерть не простит.

— Это хорошо, что ты это понимаешь, — скривился Рубец. — Плохо, что ты по всем статьям пустой, ни денег, ни ствола. Как ты такой дальше жить собираешься?

— Деньги будут!

— Аркаша, твое счастье, что тебя хорошо знаю. В память о нашей старой дружбе я не буду тебя прессовать. Ни жену твою не трону, ни детей. И долг тебе прощу. После того, как ты умрешь. Прямо сейчас... Сивый, давай!

Сивый оскалился, хищно глядя на Сарычева, вынул из кармана шелковый шнурок. Хлебом его не корми, дай только кого-нибудь замочить. Справиться с ним будет очень трудно, а если подключится Кайман, шансов выжить не останется.

— Может, он сам застрелится? — спросил Кайман.

— Ну что ты, он же мой друг, — усмехнулся Рубец.

— Я же сказал, что отдам деньги, — в оба глаза наблюдая за Сивым, сказал Сарычев. — Половину от своей доли.

— От какой доли?

— Дело на сто миллионов.

— Аркаша, это голимый бред, неужели ты так боишься смерти? — ухмыльнулся Рубец.

— Там реально сто лимонов. Перевозить будут завтра.

— Что будут завтра?

— Инкассаторы будут перевозить. Деньги. Сто миллионов!

— Почему именно сто?

— Это если в тысячных купюрах. А если в рыжих купюрах, умножай на пять... Короче, завтра повезут много денег. Это мой источник знает точно. А в каких купюрах, он скажет только завтра.

— Твой источник?

— И еще он знает, где машина сделает остановку. Там их и возьмем.

— Кого их?

— Инкассаторов.

— И сто миллионов?

— Не меньше.

— Ну хорошо, даю тебе шанс. Берешь инкассаторов, половина моя.

— Миша, я знаю, ты умеешь баб веселить, но мне от твоих шуток не смешно, — скривился Сарычев. — Я тебе всего десятку торчу, а предлагаю как минимум в пять раз больше. Это чтобы самому все сделать, да?

— Я тебе не верю, — качнул головой Рубец.

— А ты поверь. Себе... Карамболь тебя за человека не держит, а почему? Потому что ты по всем понятиям — барыга и сутенер. Какое тут уважение?

— Сивый, не надо его на хомут... — качнул головой Рубец.

— Вот и я думаю, а вдруг дело говорит, — закивал Сивый, запихивая удавку в карман.

— Просто пристрели его.

Но Сивый не хотел сбрасывать со счетов сказанные слова, он глянул на своего босса хмуро, исподлобья.

— А если реальное дело?..

— Ну не все же телкам хвосты крутить! — подстегнул Сарычев.

— А если подстава? — обращаясь к Сивому, спросил Рубец.

Тот думал недолго.

— Я его там на месте и положу.

— Так я с вами не собираюсь, — откrestился Аркадий.

— Я же говорю, подстава, — ощерился Рубец.

— Нет, я, конечно, могу с вами. Но тогда вам тридцать процентов.

— Сколько?!

— Вот видишь, уже торгуешься... — ухмыльнулся Сарычев. — Сорок процентов!

— Тридцати хватит, — осклабился Сивый. — Тридцать процентов тебе, остальное нам. Попро-
сишь больше, не получишь ничего. Если попробу-
ешь соскочить, я положу тебя прямо сейчас. А по-
том и твою жену. Я не шучу.

— А ты умеешь шутить? — мрачно усмехнулся
Аркадий.

— Значит, сто миллионов?

— Дело верняк, отвечаю.

— Ну тогда давай, раскладывай, — глянув на
Сивого, махнул рукой Рубец. — А мы попробуем
тебе поверить.

Не хотел он ввязываться в сомнительное дело,
и Аркадий не мог его за это осуждать. Хотя бы по-
тому, что дело действительно гиблое. Хотя еще не-
понятно, для кого. Возможно, для всех.

* * *

Адрес у плечевой проститутки не дом и даже не
улица, адрес ее — кабина дальнобойщика. И если
Дятлова хотела скрыться, то искать ее надо было

по одному из таких адресов. По одному из тысяч. Впрочем, цифры Сашу Лукова не пугали, если начать с отправной точки, шансы разыскать Лизу у него есть.

А в отправной точке, на стоянке дальнобойщиков, у кафе они с братом натолкнулись на потасканную девицу в мохнатом синтетическом полушубке и синих лыжных брюках.

— Полиция! Убойный отдел! — с ходу ошарашил ее Саша, но вместо удостоверения сунул ей под нос фотографию Лизы Дятловой. — Сюда смотри!

— Чего смотреть? — растерянно пробормотала девица в рыжей шубке.

— А теперь мне в глаза!.. Знаешь, кто на фотографии?

— Нет!

— В глаза смотри! — требовал Саша.

— Чего ты ко мне пристал? Не знаю я, кто это!

— Эльза это! Проститутка!

— Эльза?! — нахмурилась вдруг девица. — Проститутка?!

— Подружка твоя, — насел на нее Паша.

— Подружка моя?! Проститутка — моя подружка?! Значит, и я?!

— Что ты?

— Я?! Проститутка?!

— А то нет!

С шумом открылась дверь, из кафе вышел разбитного вида верзила с нахальной улыбкой.

— Я не проститутка! — простонала девушка.

— Чувак, ты чего? Мою жену снимаешь? — Верзила искренне радовался, глядя на Сашу. Радовался тому, что может набить кому-то морду на совершенно законных основаниях.

— Твою жену?! — растерялся Саша.

— Никита, твою жену проституткой назвали! — подлила масла в огонь девица.

Из кафе показался еще один рослый тип такого же нахального вида. От него не пахло спиртным, но взгляд как будто у пьяного.

— Лева, ты понял, эти черти мою Катьку как проститутку снимают! — обратился к нему Никита.

— О-о, блин! Как же я устал!.. — Лева зевнул во весь рот и, раскинув руки, потянулся.

Возможно, он действительно устал на дальнем маршруте, потому и глаза пьяные. Короткий перекус в кафе не восстановил силы, поэтому парень рад был сейчас размяться — с помощью Паши. Для того и раскинул руки, чтобы ударить с размаха.

— Паша!

Чрезвычайная ситуация уже взяла старт, так что поздно козырять корочками, к счастью, Паша понял это без подсказки брата. И когда Лева рубанул его кулаком, стремительно сошел с опасной линии, подставив под удар руку. Как дальше развивались

события, Саша не видел. Тревога за брата помешала ему сконцентрировать внимание на себе, и Никита этим воспользовался. Он ударил его кулаком в нос, и Саша успел лишь нагнуть голову, подставляя под кулак лоб.

Сознания он не потерял, на ногах удержался, но искры из глаз брызнули, что, впрочем, не помешало ему вцепиться противнику в руку. А хватка у Саши железная, сколько лет он лазал по канатам, перебрасывался дисками от штанги, отжимался на пальцах, прокачивал предплечья, тренировался, практиковался. Голова сейчас, правда, работала с задержкой, но рефлексy не тормозили, а мастерство не подвело. Рука противника оказалась в жестком захвате, дальше крутящий момент с переходом на болевой прием — и победа. Верзила взвыл от боли с заломленной за спину рукой. А Паша тем временем уложил на землю своего оппонента и полез под куртку за наручниками.

— Никита, это из полиции! — Катя схватила мужа за свободную руку то ли в порыве чувств, то ли хотела остановить его.

— Старший лейтенант Луков!

Саша не доставал наручники, он крепко держал верзилу в захвате.

— Я откуда знал? — глядя на своего дружка, подавленно буркнул верзила.

— Ты знаешь Эльзу? — спросила Катя.

— Какую еще Эльзу?..

— А кого вы слевой по Ижевску катали? — В ее голосе лязгнули злые нотки.

— Эту? — Саша достал фотографию Лизы и предъявил парню.

— Так это к Леве!

— На первый раз прощаю! — Луков-старший с силой оттолкнул от себя верзилу. — А потом закрою, лет на пять. За нападение на сотрудника полиции.

— Так я не знал! — потирая запястье, вздохнул Никита.

— Зато Эльзу знал! — набросилась на него Катя.

— Я знал! — подал голос Лева.

Паша позволил ему принять вертикальное положение, наручники не снимал, но ключ от них из кармана достал.

— И где она сейчас?

— Так это... — Лева выразительно глянул на Никиту.

— Знаешь, что это такое? — подбросив на руке ключ, спросил Паша.

— Да милый пустячок, можешь выбросить, — усмехнулся Саша.

— Ну да, браслеты все равно списанные! — Паша замахнулся, чтобы забросить ключ на крышу кафе.

— Эй, вы чего! — забеспокоился Лева.

— Эльза где?